

ПУЛЕНЕЦЬ

ТЕКСТЪ И ТЕМЫ

Н. ШЕБУЕВА.

— За мной..

Новый Годъ.

Старый Годъ не старецъ хилый,
Не согбенный и сѣдой, —
Онъ Рабочій, гордый силой,
Смѣлый, дерзкій, молодой...
Шелъ онъ, шелъ могучимъ шагомъ,
Кверху голову держалъ,
Шелъ впередъ, съ ружьемъ и флагомъ, —
Былъ тотъ флагъ кроваво-алъ.
Шелъ впередъ. Все разступалось,
Раздвигалось на пути,
Разгоралось, разрушалось
Даже тамъ, гдѣ не пройти.
Шелъ впередъ. Земля дрожала,
Пламенѣли небеса,
Море билось, клекотало,
Вѣтры рвали паруса,
Черезъ январь, февраль кровавый;
Черезъ ужасы весны,
Гдѣ дарятъ безславной славой
Русь Японіи сыны;

Черезъ іюнь, іюль съ пожаромъ
Безземельныхъ деревень;
Черезъ августъ, гдѣ кошмаромъ
Превращаетъ въ ночи день
Нашъ великій провокаторъ
Всероссійскій бюрократъ;
Черезъ сентябрь, гдѣ триумфаторъ
Витте, — чортъ ему не братъ;
Черезъ октябрь, гдѣ насъ кадрилию
Тѣшитъ пара паръ свободъ;
Черезъ ноябрь, гдѣ камарилью
Вновь почувствовалъ народъ;
Черезъ декабрь съ премьеръ-министромъ
Всемогущимъ Дурново; —
Шелъ впередъ онъ шагомъ быстрымъ
И — окончень путь его:
Дальше — Новый Годъ настанетъ.
Что сулитъ намъ Новый Годъ?
Надругается, обманетъ
Погремушками свободъ,

На развалинахъ-обломкахъ
Водрузить ли Новый Домъ,
Поведетъ ли на постромкахъ
Иль задушить хомутомъ,
Дастъ ли пищу охамъ, ахамъ,
Или счастьемъ безъ конца...
Всѣ съ надеждою и страхомъ
Ожидаютъ пришлеца.
Чул!.. Бьетъ полночь... Но на смѣну
Не явился Новый Годъ.
— „Новый Годъ! Сюда на сцену!..
Что жъ ты медлишь!.. Твой чередъ...
Выходи! Кипитъ и плещетъ
Не шампанское, а кровь...
Выходи — пожаромъ блещетъ
Русь повсюду вновь и вновь...
Принеси успокоенье,
Принеси съ собой елей
Всепрошенья, примиренья,
Слабыхъ духомъ пожалѣй“...
— „Слабыхъ духомъ!.. Прочь съ дороги“, —
Крикнулъ Старый Годъ: — „Кто слабъ,
Въ комъ дрожитъ струна тревоги,
Кто душой иль мыслью рабъ!..
Обновленная Россія
Не страна теперь рабовъ...
Я—Мессія, — я Мессія,
Всѣ на мой стекайтесь зовъ...
Года Нового не ждите:
Крови струсилъ, — не придетъ.
Вы опять за мной идите, —
Съ вами я на цѣлый годъ...
Старый Годъ не старъ, я — молодъ,
Провести отважно Русь
Сквозь Чуму, Холеру, Голодъ
И Реакцію берусь...
Я — Пророкъ; не успокоюсь
Встрѣтитъ Русь грядущій день, —
Мы пойдемъ въ крови по поясъ
По пожарамъ деревень!
Я — Пророкъ: придется бродомъ
Рѣки слезъ переходить,
Слезъ, что пролиты народомъ, —
Смертью каждый шагъ купить...
Я — вашъ Вождь и вашъ Товарищъ,
Смѣло, гордо говорю:
Черезъ зарево пожарищъ
Вы увидите зарю,
Сквозь пожары и погромы —
Голубѣютъ небеса...
Сквозь грозы стихійной громы —
Серафимовъ голоса...
Сквозь неслыханныя бѣды
Городовъ и деревень —
Близокъ, близокъ день побѣды,
Возрожденія свѣтлый день...
Я — Мессія, я — Мессія,
Наше знамя побѣдитъ!
Потрясенная Россія
Въ мукахъ свой покой родитъ!..“

ПЬЯНАЯ.

Она подошла ко мнѣ наглая, вызывающая, циничная.

Ея глаза блестя чохоточнымъ блескомъ, на щекахъ горѣлъ румянецъ порока, волосы спутались, тяжелыми прядями упали на полуобнаженные плечи.

Она подошла ко мнѣ и задорно взглянула мнѣ въ лицо.

— Здравствуй! Не знакомъ со мной?.. Такъ познакомимся... Что отворачиваешься?.. Отъ меня, небось, не отвернешься...

Она съ ухарствомъ повела плечами и сильнымъ, взвизгивающимъ голосомъ залихватски гаркнула:

Эхъ!.. Разсыпсы горохъ
По бѣлой тарелкѣ!..
Посадили къ негодю
Меня на колѣнки!..

— Городовой!—хотѣлъ было крикнуть я,—но мой крикъ потонулъ въ ея разухабистомъ гиканьѣ:

Разсыпалась,
Разсточилась;
Пошла за водой,
Обмочилась...

— Ха!-ха!-ха!..—Ты никакъ городского крикнулъ... Что мнѣ твой городской сдѣлаетъ?..

— Отправить въ участокъ для вытрезвленія...

— Меня!.. въ участокъ!.. Ха!-ха!-ха!..—Да знаешь ли ты, какъ звать меня?

— И знать не хочу!..

— Я,—Русская Пѣсня... И меня въ участокъ!.. Ну, и насмѣшилъ... Да я въ кабацѣ родилась, въ трактирѣ воспиталась, посередъ веселья разгульнаго вѣкъ свой вѣковала, и ты хочешь меня въ участокъ!.. Ха!-ха!-ха!.. Да я твоему городовому вотъ такъ сдѣлаю, такъ и его обсахарю, и онъ растаетъ..

Тутъ я понялъ, что встрѣтился съ кабацкой Пѣсней.

— Закрыли кабаки, такъ думаете и веселью русскому конецъ?.. Думаешь, что на меня наплевать можно да каблукомъ раздавить... Въ отставку меня, какъ поется:

Пишетъ миленькій записку:
Ты мнѣ больше не нужна,
Я нашелъ себѣ модистку,
Модистка очень хороша.

Нѣтъ! меня раздавить не раздавите, скорѣе на ножку мозольки настукаете... Сжился со мной русскій человѣкъ. Не отдерешь меня отъ его веселости, и отъ грусти его не отдерешь..

Эхъ!.. Мальчишечка-бѣдняжечка.
Онъ склонилъ свою головушку...
Онъ склонилъ свою головушку
Да на правую сторонушку...
Что на правую, да на лѣвую,
Красной дѣвицѣ на грудь бѣлую...
На груди лежалъ, тяжело дышалъ,
Тяжело дышалъ „прощай“ сказалъ:—
„Ты прости-прощай, красна дѣвица...!..
„Красота мнѣ твоя очень нравится,—
„А любовь наша скончается!..“

Она сдѣлалась неузнаваемой: вмѣсто звенѣвшихъ вакхическимъ смѣхомъ взвизгиваній изъ ея груди вылетали протяжные, удушливые стоны. Глаза потухли, задорныя пряди волосъ опустились. Плечи все еще вздрагивали, но это было вздрагиваніе рыдающей женщины. Безысходная грусть свѣтилась въ каждомъ словѣ этого речитатива и выжимала слезы у меня изъ глазъ.

— Что?.. распаточился? Нюни распустилъ... взгрустнулось?.. Ну, сади, сади меня въ участокъ... А что какъ я въ самомъ участкѣ гаркну:

Черви, бубны, виноградъ!
Чѣмъ мой милый виноватъ!?

Да предъ самымъ частенькимъ приставчикомъ-то, козыремъ, козыремъ... да спою ему добру молодцу:

Ты напрасно, Ваня, ходишь,
Понапрасну ножки бьешь...
Ты невесты не получишь,
Безъ сапогъ домой придешь...

На, молъ, меня. Протрезвляй, тверезый, бабу пьяную.

Закипѣли самовары на столѣ,
Зашумѣли всѣ угары въ головѣ...
А барышни собираются!..
Въ путь-дорогу снаряжаются!..

И вдругъ она выкинула такое колѣнце, что мнѣ пришлось отвернуться.

— Отворачиваешься!.. Ха!-ха!-ха!.. Нѣтъ, братъ, отъ меня не отвернешься!

Эхъ, мамашка, кричу крикомъ
Полсапожки шей со скрипомъ...

Потрезвить меня вздумалъ... Пѣсню расейскую протрезвить! Да меня двадцать столѣтievъ не протрезвили... А ты однимъ участкомъ вздумалъ... Протрезви! попробуй!.. Много во мнѣ хмѣльнаго, полугарнаго... Зародилась я по пьяному дѣлу, да и развилась не по тверезому... Потому и душа русская весела по пьяному дѣлу, да и грустна не по-тверезому... Раздави меня,—Руси веселіе пити и пѣти!..

Она помолчала, почесала у себя въ затылкѣ и добавила:

— Вѣками я сложилась, вѣка и отрезвлять меня... съ души начинай отрезвлять. Когда души будутъ трезвыя—тогда и пѣсни будутъ трезвыя. Я—душа народная. Вырвалась я теперь изъ кабака на свѣжій воздухъ, пошла по улочкамъ, переулочкамъ, встрѣчайте меня неожиданную, непрошенную... Шире дорогу!.. Чѣмъ какъ не мной будетъ хохотать народъ русскій? Чѣмъ какъ не мной будетъ плакать?!

— Я не противъ пѣсни... Я противъ цинизма...

— Ха!-ха!-ха!.. прикорсечивать меня што ли хочешь!.. Обкокачивать какъ какую-нибудь шансонетку!.. Ну, нѣтъ, братъ, я въ „Польки-монопольки“ не гоюсь... Изъ меня слова не выкинешь... Вѣками это слово въ меня вколачивалось, вѣками оно и выколачиваться будетъ... Ты душу сперва русскую прикорсетъ, а потомъ и я сама собой приподтянусь. И тогда взамѣсто пѣсни кабацкой разольется пѣсня новая—монопольная...

— Ну, прощай, до свиданія!..

Она пошла отъ меня, беззаботно напѣвая:

Жена моя, женушка,
Сердитое сердце мое...
Посмотрите, добры люди,
Какъ жена мужа не любитъ,—
Не глядитъ на него,
Все ругаетъ его,
Къ людямъ ходитъ личикомъ,
Къ нему ходитъ плечикомъ...
Я поѣду, я уѣду,
Во Китай-городъ гулять,—
Женѣ плетку покупать...

И отъ этой пѣсни пахнуло мнѣ въ лицо и средневѣковымъ Китай-городомъ, и домостроевской плеткой, и понялъ я, что бороться съ Пѣснью трудно. Каждое слово ея закрѣплено вѣками и его не выкинешь участкомъ.

И мнѣ хотѣлось крикнуть ей вдогонку:

— Слушай! Русская Пѣсня. Отчего ты поешь про кабакъ да про неволю? Почему ты глуха къ окружающей жизни? Смотри, все вокругъ, даже сами камни, кричатъ о свободѣ. Упади

ухомъ къ сырой землѣ, ты услышишь, что и она поетъ:

Вставай, подымайся, рабочій народъ!..

Неужели тебѣ не стыдно, что русскій народъ, русская земля, русскіе камни вопіютъ къ небу на мотивъ французской марсельезы!.. Неужели не стыдно, что и тебя, дитя свободы, раздавила, придушила, измочалила вѣковая цензура режима... Неужели тебѣ не стыдно видѣть, какъ ты спилась!..

Но она уже была далеко. Она шла пошатываясь со стороны въ сторону. Я ничего не крикнулъ ей.

Но мнѣ кажется, что она сама запѣла на мотивъ марсельезы:

Вставай, подымайся, рабочій народъ!..

Пулеметъ объявляетъ конкурсъ на сочиненіе взамѣнъ марсельезы русскаго гимна. За условіями гг. композиторовъ прошу адресоваться лично и письменно: Ковенскій, 14, кв. 10, отъ 12 до 2 ч. ежедневно. Первая премія — 100 руб., вторая—50, третья—25.

Требуется, чтобы сочиненіе было написано и à capella и для рояли.

Срокъ подачи сочиненій 1 февраля.

Хороводная.

А мы просо сѣяли, сѣяли,

Ой, дидъ Ладо, сѣяли, сѣяли...

— А мы смуту сѣяли, сѣяли.

Ой, дидъ Ладо, сѣяли, сѣяли...

— А мы смуту вытопчемъ, вытопчемъ.

Ой, дидъ Ладо, вытопчемъ, вытопчемъ...

— А чѣмъ же вамъ вытоптать, вытоптать?

Ой, дидъ Ладо, вытоптать, вытоптать...

— А мы коней *) выпустимъ, выпустимъ.

Ой, дидъ Ладо, выпустимъ, выпустимъ...

— А мы коней переймемъ, переймемъ.

Ой, дидъ Ладо, переймемъ, переймемъ...

— А чѣмъ же вамъ перенять, перенять?

Ой, дидъ Ладо, перенять, перенять...

— А мы возьмемъ молодца, молодца.

Ой, дидъ Ладо, молодца, молодца...

— Не пойдетъ къ вамъ молодецъ, молодецъ.

Ой, дидъ Ладо, молодецъ, молодецъ...

— А мы дадимъ сто рублей, сто рублей.

Ой, дидъ Ладо, сто рублей, сто рублей...

— Не возьметъ и тысячи, тысячи.

Ой, дидъ Ладо, тысячи, тысячи...

*) Очевидно казацкихъ.

—: Сказка о Манухинъ :—

Жилъ-былъ Манухинъ.
Долго онъ жилъ безъ всякой личности.
Никакой физиономіи у него не было, а за-
мѣсто лица была пустышка.

Бывало подойдетъ
къ зеркалу и шутить:

— Хорошо мнѣ
такъ. Ей-Богу, хорошо.
По крайности бриться
не надо. И кредиторы
на улицѣ не узнаютъ.

А дѣлопроизводи-
тель ему вторить:

— Вамъ бы, ваше
превосходительство,
въ министры пойти.
Никакихъ бы такихъ
покушеніевъ не было.

Вздохнетъ бывало

Манухинъ. Про себя подумаетъ:

— Далеко кулику до двадцатаго числа!

А вслухъ прибавить:

— Ну-ка, давай бумаги подписывать. Все въ
исправности?

И вдругъ дѣлопроизводителя слова сбылись.

Умеръ Муравьевъ. Нужно было на мѣсто
его посадить кого-бы побезличнѣе.

Вспомнили про Манухина:

— Ба! Да вѣдь у него никакой физиономіи
нѣтъ.

Призвали
Манухина:

— По ка-
жись.

Лицо чи-
стое. Ника-
кихъ особыхъ
примѣтъ вро-
дѣ носа, бро-
вей и тому по-
добнаго нѣтъ.

— Будешь
всѣмъ про-
чимъ мини-
страмъ потра-
флять?

— Буду.

И сталъ Ма-
нухинъ мини-

стромъ юстиціи.

И какъ былъ безличнымъ, такъ безличнымъ
и остался.

Даже курьеры въ судѣ спрашиваютъ:

— Это какой такой Манухинъ? Съ лица-то
онъ какъ выглядитъ?

— Никакъ не выглядитъ.

Только надоѣло Манухину безъ личности
жить:

— Министръ. А ежели на улицу выйду
такъ никакого мнѣ уваженія нѣтъ. Знакомые
даже не кланяются, — не узнаютъ. Пойду къ
Дурновѣ.

— Дурновѣ, а Дурновѣ! Хочу получить физио-
номію.

— То есть какъ это физиономію?

— Чтобы меня всѣ узнавали и всѣ кланялись.

— Ишь чего захотѣлъ.

— Разрѣши элексиру для рошенія волосъ
на казенный счетъ купить. Пусть брови выро-
стутъ. Стыдно безъ бровей.

— Купи. Только самъ отсчитывайся.

Выросли у Манухина на казенный счетъ
брови.

Только ему этого мало. Пошелъ опять къ
Дурновѣ:

— Хочу быть съ усами. Разрѣши на ка-
зенный счетъ бинтъ для усовъ купить.

— Эхъ ты, Манухинъ! Тебѣ бинтъ не по-
можетъ. А ты лучше наклей себѣ усы. Пусть
другіе-прочіе думаютъ, что у тебя свои усы,
а у тебя — министерскіе. Иванъ Ивановичъ, от-
пустилъ министру усы и бородку посвѣжѣе...
Запишите за гороховымъ отдѣленіемъ.

Пришелъ Манухинъ домой съ усами и съ
бородкой. А только ему этого мало.

Черезъ три дня опять къ Дурновѣ.

— Дурновѣ, а Дурновѣ! Хочу чтобы носъ
выросъ. Дай заграничную командировку. Ихніе
доктора, говорятъ, такую операцію дѣлаютъ,

что послѣ нея носъ можетъ вырасти. Хочу
быть съ носомъ!..

— Ишь чего захотѣлъ. Ну, заграничной коман-
дировки я тебѣ не дамъ. А съ носомъ будешь.
Иди спокойно домой.

Пришелъ Манухинъ домой. А на столѣ у него
уже отставка лежитъ.

И сталъ Манухинъ съ носомъ.

А Акимовъ — министромъ юстиціи.

Дѣтки, если у васъ нѣтъ личности и слава
Богу. Не старайтесь ее приобрести.

ПУЛЕМЕТЪ ШЕБУЕВА.

Вотъ мчится тройка
удалая
Вдоль по дорогѣ стол-
бовой—
Три вѣдьмы старыхъ,
воя, лая,
Тряся лохматой голо-
вой:—

Чума, Реакція, Холера,
А править — Голодъ
(Недородъ)...
А впрочемъ, „приняты
всѣ мѣры“...
Пусть не волнуется
народъ...

Въ началѣ
1905 года.

— Вставай, подымайся, рабочій народъ!

— О чемъ говорили господа и что требова-
ли?

— О чемъ говорили—не знаю. А требовали
больше Нарзанъ...

Въ началѣ
1906 года.

— Вставай, подымайся, рабочій народъ!

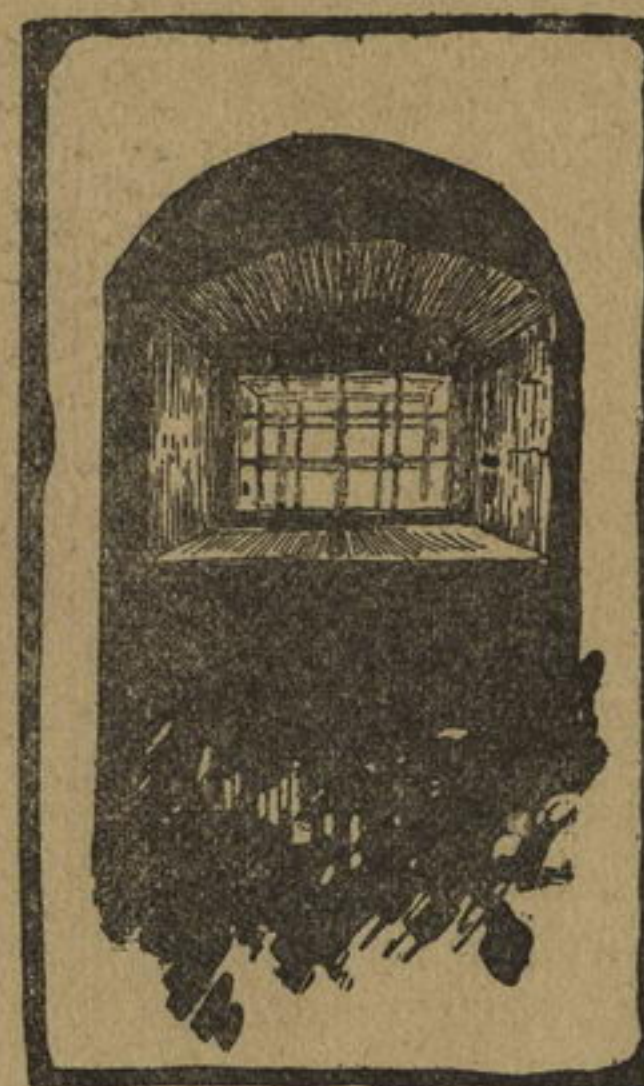
— Мы требуемъ!.. Наша платформа!..

Бюрократы работают.
Народъ наблюдаетъ.

— Ахъ, Государствен-
ная дума!..

Старый режимъ.

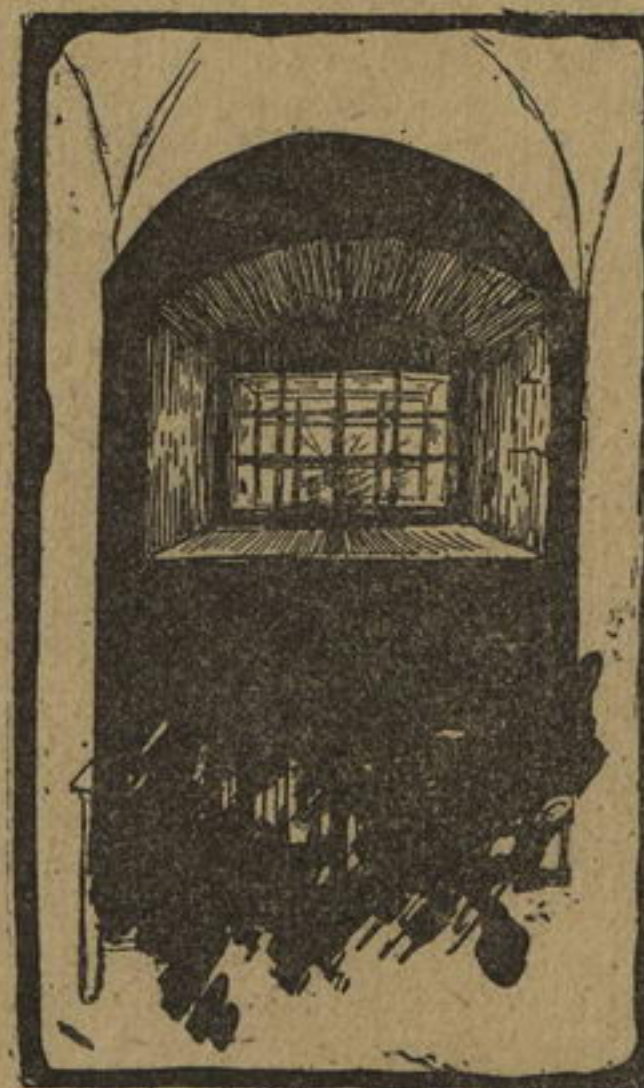
Въ началѣ
1905 года.

Народъ работаетъ.
Бюрократы наблюдаютъ.

— Ахъ, Государствен-
ная дума.

Новый режимъ.

Въ началѣ
1906 года.

ПУЛЕМЕТЪ ШЕБУЕВА.

О ДОХЪ.

Превосходная у отца Григорія Петрова доха. Чудесная доха. Хоть полъ-Петербурга обыщи, а другой такой дохи не сыскать.

Привезъ онъ ее изъ Сибири и похожъ въ ней на какого-то сибирскаго звѣря. Ей-Богу.

До того похожъ, что, когда онъ изъ Москвы въ Питеръ по чугункѣ прѣхалъ, въ „Новомъ Времени“ пропечатали:

„Въ Петербургъ прибылъ священникъ звѣрскаго вида. Повидимому о. Гапонъ“.

Прочитавъ это отецъ Григорій и засмѣялся.

— Видно не челоуѣкъ красить шубу, а шуба челоуѣка. Вотъ у меня какая чудесная доха: и сама въ печать угораздила и меня въ Гапоны произвела.

И сталъ о. Григорій свою доху любить пуще прежняго. Только напрасно онъ радовался раньше времени, да дохой хвастался.

Сталъ онъ вдругъ замѣчать, что у его подъѣзда днемъ и ночью торчатъ какіе-то гороховые люди.

— Что за притча такая. Чуть надѣну я свою доху, да выйду прогуляться на улицу—глядь-поглядь ужъ изъ-за угла образина гороховая выглядываетъ. И куда ни пойду,—она всюду за мной. Даже оторопь беретъ—ужъ не грабитель-ли какой выслѣживаетъ.

А разъ утромъ кухарка прибѣжала къ нему, вся въ слезахъ:

— Батюшка баринъ, пропала наша головушка! За нами слѣдять!

— Кто слѣдитъ...

— Извѣстно кто... Сыщики.

— Кто это тебѣ такіа глупости сказалъ. Нечего за мной слѣдить. Ни на мнѣ, ни за мной ничего нѣтъ pozorительнаго.

— А доха-то... Сгубить она тебя-батюшка, окаянная...

— Какую ты нескладицу выдумала.

— Вотъ тѣ и нескладница... Дворниковой Машкѣ кривой сами сыщики хвастались... Двое къ твоей дохѣ приставлены,—денно и ночью слѣдять.

Мнѣ объ этомъ самъ о. Григорій Спиридонычъ рассказывалъ:

— Надоѣло страшно. Не знаю что дѣлать. Научите какъ развязаться съ дохой. Не хотите ли я ее вамъ подарю.

— Благодарю покорно. Во-первыхъ, у меня уже есть одна доха, за которой правительство денно и ночью слѣдитъ,—Пулеметъ. Пока номеръ печатается, полиція разъ десять заглянетъ. А во-вторыхъ, вамъ гораздо проще переслать вашу доху на Шпалерную въ домъ Предварительнаго Заключенія на храненіе отъ моли. Тамъ ее заключать въ камеру № 207, которая, пока я на волѣ, свободна отъ постоя. По крайней мѣрѣ она у васъ до амнистіи цѣлой останется. А будетъ амнистія—вашу гапонью доху освободятъ.

Такъ о. Григорій, кажется, и сдѣлаетъ. Тутъ будетъ и сказкѣ конецъ. Но сказка безъ морали мертва. А морали тутъ двѣ.

Мораль первая:—глупости болтаютъ, что Россія близка къ разоренію. Если у правительства хватаетъ средствъ для того, чтобы слѣдить за шубами, значитъ еще до банкротства далеко.

Мораль вторая:—глупости болтаютъ, будто о. Гапонъ подпалъ подъ амнистію. Если ужъ правительство такъ слѣдитъ за дохой, которая будто бы похожа на ту доху, въ которой онъ будто бы бѣжалъ за границу, кольми паче оно слѣдитъ за самимъ о. Гапономъ.

А выслѣдивъ развѣ не схватило бы оно его моментально и не посадило бы въ... на храненіе отъ моли.

А все-таки чудесная у о. Григорія доха. Жаль только, что она политическая.

БЪЯНКА.

Итальянская баллада.

Донъ Сергѣо Конто Витто

Съ Донъ-Шиповымъ пили водку *).

На балконѣ предъ таверной,—

Вдругъ увидѣли красоту...

То цвѣточница Вероны—

Гордость дѣвъ веронскихъ—

Бьянна,

По прозванью дель-Кампана.

Молодая итальянка

Подошла и предложила

Розъ гирлянду симъ синьорамъ.

Донъ Сергѣо Конто Витто

Въ мигъ ее окинулъ взоромъ

И подумалъ: что за прелесть!

Сложена она на диво:

И стройна и граціозна

И эффектна и красива.

— „Если къ этой розѣ гирляндѣ

„Поцѣлуй ты дашь въ придачу,

„Я куплю ее охотно.

„Я куплю ее охотно.

„Я куплю ее охотно.

„Я куплю ее охотно.

„Я куплю ее охотно.

„Я куплю ее охотно.

„Я куплю ее охотно.

„Я куплю ее охотно.

„Я куплю ее охотно.

„Я куплю ее охотно.

„Я куплю ее охотно.

„Я куплю ее охотно.

„Я куплю ее охотно.

„Я куплю ее охотно.

„Я куплю ее охотно.

„Я куплю ее охотно.

„Я куплю ее охотно.

„Только цѣну самъ назначу...“

Улыбнулась тонко Бьянна

По прозванью дель-Кампана:

— „Я боюсь, синьоръ, покупка

„Будетъ вамъ не по карману:

„Вѣдь и водка и закуска

„Отпускается навѣрно

„Вамъ въ кредитъ и долгосрочный

„Содержателемъ таверны...

„Мы жъ, цвѣточницы, на книжку

„Никогда и не торгуемъ

„Даже розами, повѣрьте,

„А не то, что поцѣлуемъ...“

Отвернулся Конто Витто,—

Что отвѣтить ей на это?

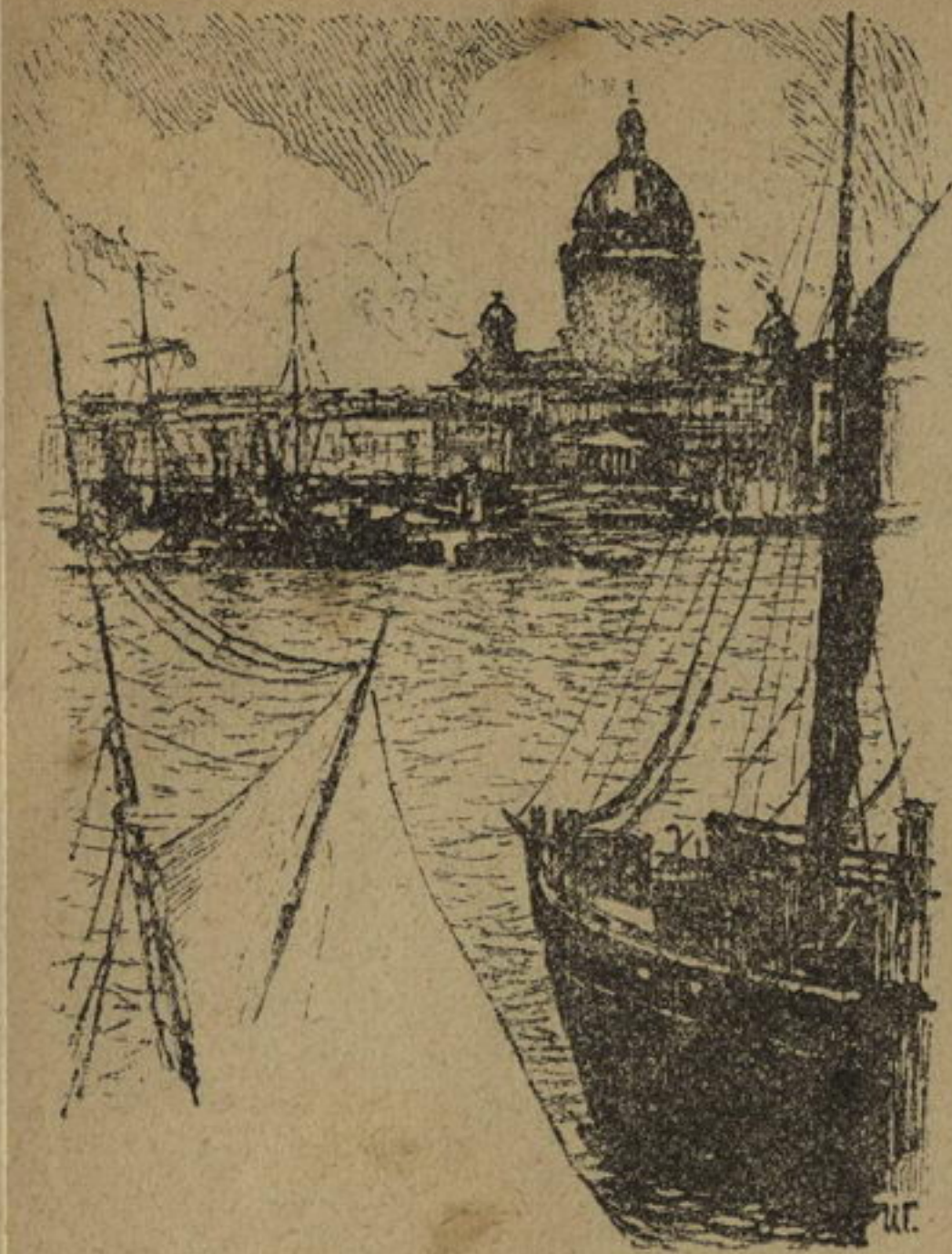
У него въ карманѣ, правда,

Нѣтъ ни одного пезетта **).

**) Итальянскій семишникъ. А можетъ быть и испанскій. Справьтесь по Брокгаузу.

...онъ — безстрастенъ.

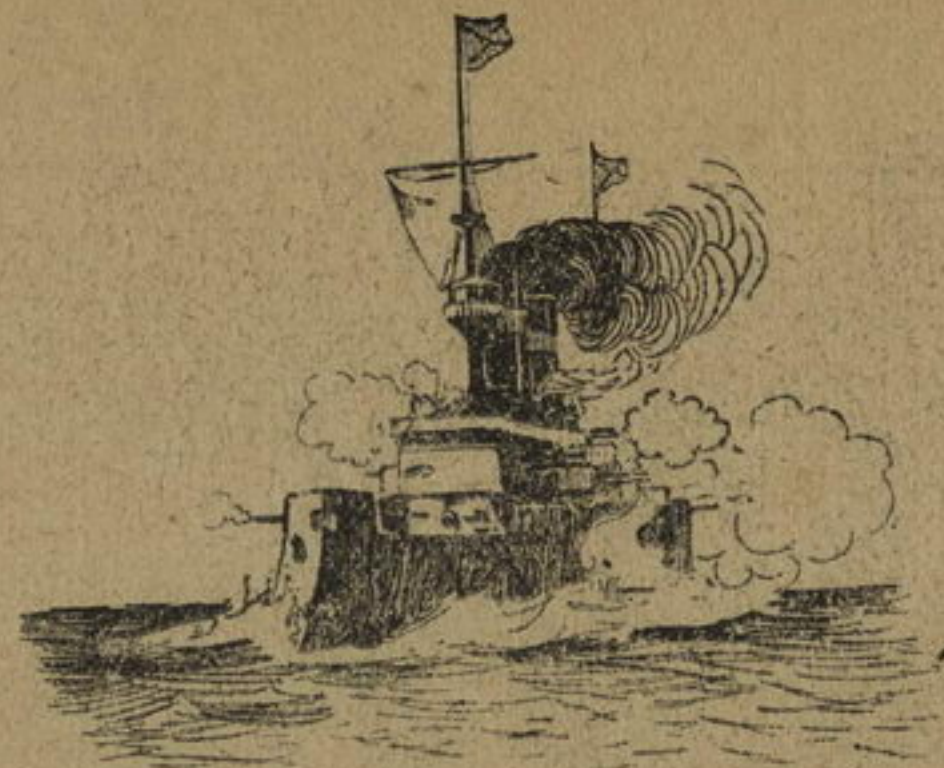
тела. Призови его, угости его яко странника. Ибо всякъ, порицающій Царя въ самоуластїи его, есть странникъ земли, гдѣ все предъ нимъ трепещетъ. Угости его вѣщью, почти его, да возвратившись возмощетъ онъ паче и паче глаголати неслѣвно. Но таковыя твердыя сердца бывають рѣдки; едва единъ въ цѣломъ столѣтіи явится на свѣтскомъ ристалищѣ. А дабы бдѣтельность твоя не усыпiałaся нѣгою власти, се кольцо дарю тебѣ, да возвѣститъ оно тебѣ твою неправду, когда на нее дерзаетъ будешь. Ибо вѣдай, что ты первѣйшій въ обществѣ можешь быть убійца, первѣйшій разбойникъ, первѣйшій предатель, первѣйшій нарушитель общїи тишины, врагъ лютейшій устремляющій злость свою на внутренность слабаго. Ты виною будешь, если мать восплачетъ о сынѣ своемъ убиенномъ на ратномъ полѣ, и жена о мужѣ своемъ; ибо опасность плѣна едва оправдать можетъ убійство, войною называемое. Ты виною будешь, если запустѣетъ нива, если птенцы земледѣлателя лишатся жизни у тощаго безъ здравыя пищи сосца матерня. Но обрати теперь взоры свои на себя и на предстоящихъ тебѣ, возри на исполненіе твоихъ велѣній, и если душа твоя несодрогнется отъ ужаса при взорѣ таковомъ, то отъиду отъ тебя и чертогъ твой загладится навсегда въ памяти моей.

Изрекшія странницы лице, казалось веселымъ и вѣщественнымъ сіяющее блескомъ. Возрѣніе на нее вливалось въ душу мою радость. Уже нечувствовалъ я въ ней зыбей тщеславія и надутости высокомерїя. Я ощущалъ въ ней тишину; волненіе любочестїа и обуреваніе властолюбїа ей некасались. Одежды мои, столь блестящїя, казались замараны кровью и омочены слезами. На перстахъ моихъ видѣлись мнѣ остатки мозга человѣческаго; ноги мои стояли въ тинѣ. Вокругъ меня стояшіе являлись того скареднѣе. Вся внутренность ихъ казалась черною и стараемою тусклымъ огнемъ ненасытности. Они металы на меня и другъ на друга искаженные взоры, въ коихъ господствовали хищность, зависть, коварство и ненависть. Военачальникъ мой посланный на завоеваніе, утопалъ въ роскоши и веселїи. Въ войскахъ подчиненности небыло; войны мои почитались

хуже скота. Нерадѣли ни о ихъ здравїи ни прокормленїи; жизнь ихъ ни во что вмѣнялася; лишались они установленной платы, которая употреблялася на ненужное имъ украшеніе. Большая половина новыхъ воиновъ умирали отъ небреженїа начальниковъ или ненужныя и безвременныя строгости. Казна опредѣленная на содержаніе всеополченїа была въ рукахъ учредителя веселостей. Знаки военнаго достоинства не храбрости были удѣломъ, но подлаго раболѣпія. Я зрѣлъ предъ собою единого знаменитаго по словесамъ военачальника, коего я отличными почтилъ знаками моего благоволенїа; я зрѣлъ нынѣ ясно, что все его отличное достоинство состояло въ томъ только, что онъ пособіемъ былъ въ насыщенїи сладострастїа своего начальника; и на оказанїе мужества небыло ему даже случая; ибо онъ издала невидаль непрїятеля. Отъ такихъ то воиновъ я ждалъ себѣ новыхъ вѣнцовъ. Отвертилъ я взоръ мой отъ тысячи бѣдствъ представившихся очамъ моимъ.

Корабли мои назначенные, да прейдутъ дальнѣйшія моря, видѣлъ я плавающими при устьѣ пристанища. Начальникъ полетѣвшій для исполненїа моихъ велѣній на крыльяхъ вѣтра, простерши на мягкой постелѣ свои члены, упоился нѣгою и любовію въ объятїяхъ насмной возбудительницы его сладострастїа.

Подвигъ мой, коимъ въ ослѣпленїи моемъ душа моя наиболѣе гордилась, отпущеніе казни и прошенїе преступниковъ, едва видны были въ обширности гражданскихъ дѣяній. Велѣніе мое, или было совсѣмъ нарушено, обращаясь не въ ту сторону, или не имѣло желаемого дѣйствїа превратнымъ оного толкованїемъ, и медлительнымъ исполненїемъ. Милосердіе мое сбѣлалось торговымъ, и тому, кто давалъ больше, стучалъ молотъ жалости и великодушїа. Вмѣсто того, чтобы въ народѣ моемъ чрезъ отпущеніе вины прослыть милосердіемъ, я прослылъ обманщикомъ, ханжой и пагубнымъ комедлантомъ. Удержки свое милосердіе, вѣщали тысячи гласовъ, невозвѣщавъ намъ его великолѣпнымъ словомъ, если нехощешь его исполнити. Несоплошай съ обидою насмѣшкою, съ тяжестью, ея ощущенїе. Мы спали и были покойны, ты возмущилъ нашъ сонъ мы блѣтнежелали; ибо не надъ чемъ.—Въ созиданїи городовъ видѣлъ я одно расточенїе государственныхъ казны, нерѣдко омытой кровью и слезами моихъ подданныхъ. Въ воздвигенїи великолѣпныхъ зданїй къ расточенїю нерѣдко присовокуплялось и непонятїе о истинномъ искусствѣ. Я зрѣлъ расположенїе ихъ внутреннее и внѣшное безъ малѣйшаго вкуса. Видѣ оныхъ принадлежали вѣку Готфовъ и Вандаловъ. Въ жилищахъ для Мусъ уготованномъ незрѣлъ я лїющихся благотворно струевъ Касталїи и Ипокрены; едва пресмыкающееся искусство дерзало возводить свои взоры выше очерченной обычаемъ округи. Золчіе согбенные надъ чертежемъ зданїа, не о красотѣ оного помышляли, но какъ приобрѣтутъ ею себѣ стяжанїе. Возгнущался я моего пышнаго тщеславія и отвертилъ очи мои.—Но паче всего уязвило душу мою изліяніе моихъ щедротъ. Я мнилъ въ ослѣпленїи моемъ, что ненужная казна общественная, на государственныя надобности, не можетъ лучше употребиться, какъ на вспоможенїе нищаго, на одѣяніе нагаго, на прокормленїе алчущаго, или на поддержанїе погибающаго противнымъ случаемъ, или на изду нерадѣющему о стяжанїи достоинству и заслугѣ. Но сколь прискорбно было видѣть, что щедроты мои изливались на богатаго, на льстоца, на вѣроломнаго друга, на убійцу иногда тайнаго, на предателя и нарушителя общественной довѣренности, на уловившаго мое пристрастїе, на снисходящаго моимъ слабостямъ, на жену кичающую своимъ безстыдствомъ. Едва, едва досязали слабые источники моего щедроты, застенчиваго достоинства и стыдливый заслуги. Слезы пролились изъ очей моихъ, и сокрыли отъ меня толь бѣдственные представленїа, безразсудной моей щедроты.—Теперь ясно я видѣлъ, что знаки почестей мною раздаваемые всегда доставались въ удѣлъ недостойнымъ. Достоинство неопытное пораженное первымъ блескомъ сихъ мнимыхъ блаженствъ, вступало въ единый путь съ ласкательствомъ и подлостїю духа, на снисканїе почестей, вожделенной смертныхъ мечты; но влача косвенно стопы свои, всегда на первыхъ степеняхъ изнемогало, и довольствоваться

было осуждаемо, собственнымъ своимъ одобренїемъ, во увѣренїи, что по чести мірскїа суть пепѣ и дымъ. Видя во всемъ толикую превратность отъ слабости моей и коварства министровъ моихъ произтекшую; видя что нѣжность моя обращалась на жену, ищущую въ любви моей удовольствіе свое только тщеславія, и внѣшность только свою на улаженїе мое устрояющую, когда сердце ея ощущало ко мнѣ стравненїе; возрѣлъ я яростїю гнѣва. Нелостойные преступники, злодѣи! вѣшайте, почто во зло употребили довѣренность Господа нашего? предстаньте нынѣ предъ судїю вашего. Возтребуйте въ окаменѣлости злодѣяніа вашего. Чемъ можете оправдать дѣла ваши? Что скажете во извиненїе ваше? Се онъ, его же призову изъ хижины униженїа. Прииди вѣщай я старцу, коего созерцалъ въ краѣ обширныхъ моей области, кроющагося подъ заросшею ихомъ хижинкою, прииди облегчить мое бремя; прииди и возврати покой томящемуся сердцу и возтравженному уму.—Изрекши сіе, обратилъ я взоръ мой на мой санъ, позналъ обширность моей обязанности, позналъ откуда произтекаетъ мое право и власть. Возтребовалъ во внутренности моей, убоился служенїа моего. Кровь моя пришла въ жестокое волненїе, и я пробудился.—Еще неспоминались.

Христолюбивое войнство.

схватить я себя за палецъ, но тернового кольца на немъ не было. О если бы оно пребывало хотя на мизинцѣ Царей!

Властитель міра, если читая сонъ мой, ты улыбнешся съ насмѣшкою, или нахмуришь чело, вѣдай, что видѣнная мною страница, отлетѣла отъ тебя далеко, и чертоговъ твоихъ гнушается.

Считаю своимъ долгомъ предупредить читателей, что я протестую противъ способа чтенія Пулемета, au ge-
bours, изобрѣтеннаго Особымъ присутствіемъ С.-Петербургской Судебной Палаты (см. стр. 9). Я лично рекомендую читать Пулеметъ слѣдующимъ образомъ: сначала пробѣжать первую страницу. Затѣмъ вторую (слѣва направо, сверху внизъ). Окончивъ ее, перейти на третью, потомъ перелистнувъ на четвертую, пятую, шестую и т. д. послѣдовательно до двѣнадцатой включительно. За другіе способы чтенія моихъ мыслей я не отвѣчаю ни передъ судомъ, ни передъ обществомъ.

Пулеметъ не журналъ. У него нѣтъ ни сотрудниковъ, ни подписки, ни объявленій, ни программы, ни сроковъ выхода въ свѣтъ. Поэтому вступать съ провинціальными читателями въ какія бы то ни было обязательства редакторъ не имѣетъ возможности.

Редакторъ не увѣренъ будетъ ли онъ завтра у себя въ кабинетѣ, или въ крѣпости.

Высылаются наложеннымъ платежомъ отдѣльные выпуски Пулемета и слѣдующія книги Н. Шебуева: 1) „Негативы“ изъ Руси; 2) „Безъ предварительной цензуры“ 35 юмористическихъ разсказовъ (изданіе второе съ иллюстраціями И. М. Грабовскаго); 3) „Жизнь въ присядку“ — Альманахъ; 4) „Кронштадтскія письма“; 5) „Японскіе вечера“; 6) Негативы изъ „Русскаго Слова“. Цѣна каждой книги 1 рубль.

Адресовать: Ковенскій, 14. Н. Г. Шебуеву.